

— А ты, сибиряк, запасливый.
— Про бинты говоришь?.. А как же. Пригодились, вот, - торопливо проговорил Матушкин, цепко и в то же время как можно бережнее поддерживая Хасина.
Их встретили десантники вместе со старшим лейтенантом Стругавцовым на подходе к расположению части.

— Живы! - обрадовался Яровец и подбежал на помощь. Командир взвода сказал, что Яровец обо всем доложил и что сведения пошли «наверх».

Старший лейтенант выделил пост у входа в ущелье. Коротко распорядился: «Охранять подход к Зеву!»

Матушкину и Яровцу приказал доставить старшего сержанта в медсанчасть.

По пути в медсанчасть Данил Яровец попытался:
— Не боялся, Хасин, что схватят и уведут в горы?

Мешезов сначала сослался на то, что пока руки держат автомат, этого бояться нечего, но видя, что от Яровца не отвязаться, выложил то, что хранил в душе своей с самой отправки из Черкесска.

— Отец на прощанье сказал: «Если окажешься в окружении врагов и выхода не будет, — убей себя, сын мой, не позорь мою седую голову». Так что живым в руки душманов не попаду.

Уже в медчасти, лежа на белоснежной постели, после первичной обработки ран, Мешезов глянул при ярком свете на свои пальцы, - они мелко подрагивали...

Ранним рассветом, когда дымные языки тумана медленно вползали в черный изгибистый Зев, два взвода десантников развернулись у входа в ущелье цепью: левый фланг у самого бурлящего потока, правый — по каменистому склону горы. Это место было под постоянным наблюдением так называемых выносных постов, поэтому душманы не начинали ее минами, и десантники шли не опасаясь. Но они твердо знали, что с каждым шагом приближаются к тщательно замаскированным огненным точкам, откуда ночью были обстреляны разведчики. На заранее намеченном рубеже командиры взводов Стругавцов и Дыбин дали команду залечь. Вперед выслали по одному отделение. По ним-то и ударили душманские пулеметы. И тотчас подала голос наша артиллерия. Пулеметные гнезда были разворочены до основания. Поднялись десантники.

Бой был коротким. Уцелевшие бандиты ушли вверх по ущелью. На месте остались те, кто попал под взрывы снарядов и пули десантников. Так состоялось боевое крещение друзей Мешезова. Сам он лежал в медсанчасти, ожидая отправки в медсанбат. За окнами полотнояной его палатки опускались к горизонту белооблаки облака, снизу багрово-красные, будто подожженные полыхавшими на каменной афганской земле огненными схватками с душманами.

Недели через две после первого боя рота воинов-десантников была выстроена перед палатками на широком расчищенном от камней строевом плацу. Все поглядывали на остановившуюся около головной колонны санитарную машину, из которой, опираясь на костыли, в сопровождении медицинской сестры вышел боец в белом халате, накиннутом поверх формы десантника.

— Это Мешезов! - как всегда коротко и твердо сказал остроглазый Зунель Хашукаев. Из штабной палатки появился командир полка. С ним заместитель начальника политотдела по работе с комсомолом и другие офицеры роты.

Подполковник поздоровался и безо всякого вступления вынул из планшета и громко прочитал приказ о награждении отличившихся в последних боях десантников. Хасин услышал свою фамилию. Оперся о костыли, готовясь шагнуть, но к нему приближался подполковник, держа в руке красную корочку с наградой.

— Спасибо за службу, товарищ старший сержант! - сказал командир полка.

Отмахнул белую полу халата и приколот к кителью медаль «За отвагу».

— Служу... Советскому... Союзу!

На обратном пути медсестра открывничала:
— Завтра отправят в кабульский госпиталь, откуда - с таким ранением - в Союз. А там, глядишь, и отпуск, как говорят ребята, «отломится!». Так что выше голову, товарищ старший сержант.

— Вот и встретились, сын! Да какой же ты стал!

Черноволосую голову Хасина охватывал голубым венцом берет, на зеленом, ладно пригнанном кителе, рядом с комсомольским значком - медаль «За отвагу». На прямых плечах ровными полосками погоны с нашивками старшего сержанта. Хорош сын! И еще отметил про себя Мусса Даутович: в лице какая-то настороженность и постоянная готовность ко всему непредвиденному. Совсем другой... А прошло-то немногим больше года.

Был январский с легким морозцем день, а на улыбающемся лице Хасина плотный темно-коричневый загар, усы и те порывали по концам. Это оставило свои следы жаркое афганское лето. И лицом возмужал. Хасин весело сказал:

— У подножия гор такой афганский солнцепек, такая жарынь, - плесни на камень из фляги, зашипит, а на вершине продувает ветром насквозь. Вот и получается: внизу перегрелся - вверху переохладился. Вроде кин-

И было ему двадцать...

2

(Документальный рассказ)

жала, когда его закаляют: в огонь да в воду.

После отца обняла сына мать. Прижалась к его груди и долго молчала. Глаза ее застлала слезы радости. Потом подошли братья - Хусин, Саид, Мухамед, и стайкой подлетели сестренки. Вот таким они и хотели видеть его. Пройдет по аулу — все девушки оглядываться будут.

Домой, в аул Жако, Хасин приехал после госпиталя. Быстро летели дни отпуска. Не успел оглядеться - скоро собираться в путь-дорогу.

— Ты бы сфотографировался, - как-то попросила мать. - Уедешь, - выну карточку, погляжу, поговорю с тобою: как там служишься?

Хасин послушался, надел мундир, вышел на крыльцо.

— Ты бы и награду... - напомнила мать. - Чтобы видно было - воевал!

Хасин не захотел возвращаться в дом - там, в столе, лежала медаль.

— Ладно, мама, после. - Сказал неопределенно, и пошел со двора.

Вечером мать завела с ним осторожный разговор. Она с первых дней приезда Хасина заметила, как, поднимаясь по ступенькам крыльца, он с некоторым усилием приподнимал правую ногу. Не было случая, чтобы он спрыгнул, как бывало со ступенек. И сегодня, провозжая сына в аул Хабез, в районное фотоателье, проследила взглядом, как он с некоторым промедлением переставляет ногу.

— Ты не откровенен с матерью, сын мой, - сказала после ужина. - Что с ногой?

Хасин не стал скрывать.

— Был ранен.

— Расскажи.

Выслушала. Слезы опять, как в день приезда, навернулись на глаза.

— Ну вот, как бы я тебе писал, что лежу в Кабуле, в Ашхабаде... Сейчас и то плачешь, а тогда?..

— А тогда, - подхватила мать, - наготовила бы либки, хинкала, нажарила бы лакумы, напекла всяких сладостей на меду и хотя дальше Черкесска не была, а в Ашхабад поехала бы. - Глянула на Хасина. - Не смейся, сынок.

Будут у тебя и Ларисы свои дети, поймешь... - помолчала. - А ты даже отцу не написал о ранении. Помню, прочитал он твое письмо и смеется:

— Хасин пишет, что загорает в Ашхабаде. Ты послушай, мать: «Здесь такая жарынь! Выйдешь на улицу - чуть не спотыкаешься о нее, станешь под ветлюю, и невольно думаешь:

«Зря в народе выдумали ад, Если есть на свете Ашхабад!

И плывет из-под пера К рифме — душная жара».

Мать повела глазами на дверь, тяжело вздохнула:

— Я вот о чем думаю поговорить с тобою, - замаялась, не зная с чего начать.

— Может к врачу сходим? Абдулаха, хирруга, помнишь?

Хасин приподнял брови:

— Думаешь, в Кабуле и Ашхабаде военврачи хуже?

— Да нет, ты не понял меня. Попросим, пусть продлит твою боль. Ходить мол, тяжело... Ты свое отбуй. Дай другим...

Хасин не ожидал такого поворота. Резко поднялся.

— Говоришь, «другим дай...». Пусть послужат, мол там! (Нажал на слово «там»). Но я подготовлен как надо, у меня есть опыт службы в Афгане. А другие?..

— Я хотела сказать - дай другим отличиться, получить награду, такую же, как у тебя.

Хасин понял - мать лукавит. Хотел молча шагнуть к двери, уйти, но сдерживая себя, заговорил:

— Ты добрая, хорошая мать, но тебе хочется, чтобы твой Хасин, Хусин, Сагид, Мухамед были при тебе, в твоём дворе. Это не честно. Каждый из твоих сынов должен исполнять приказ своего сердца: быть там, где он нужен.

Хасин походил по комнате, подошел к матери:

— Отец знал, что я в госпитале. Мы с ним еще тогда, при отправке, договорились каким словом я дам знать, если окажусь в госпитале. Я написал: меня обжег свирепый ажу, и он понял, что это значит. И правильно сделал, - даже тебе не сказал... И давай договоримся, мама, я всегда буду там где тысячи таких, как я, ребят. Некоторые из них - единственные у своих матерей. Я, как патрон в диске автомата, может от него зависит и смерть врага, и жизнь друга. И ты знай, чтобы со мною ни случилось, моя совесть спокойна, моя судьба светла.

Он обнял мать за плечи, прижал ее голову к своей груди.

Дня через два Сагид, работавший на машине скорой помощи, заскочил в аул Хабез, в фотоателье. Снимки были готовы. Долго гляделся в лицо своего брата. У Хасина был вдумчивый, с едва заметной улыбочкой взгляд, четко очерченные губы, над верхней - узкая полоска усов. Дома, отдавая снимки отцу, сказал:

— Удачно вышел. Подошел Хасин:

— А ну-ка — дайте на себя глянуть! И

тут раздался стук в калитку.

Хасин положил снимки на стол, распахнул дверь:

— Кто там? Входите!

Пришли комсомольцы и старшеклассники школы. Двух из них — Алима и черноглазую Лейлу - Хасин знал: живут по соседству.

— Приглашаем в школу, - сказала Лейла, останавливаясь на ступеньках. И, боясь, что Хасин откажется, добавила: - У нас «Урок мужества».

— Когда?

— Хоть сейчас! - обрадовалась Лейла. Хасин крикнул отцу:

— За мной пришли. Надевай пиджак с наградами, идем в школу!

...И по сей день помнит Мусса Даутович, как шел с сыном по Жако; как ярко отливало солнце на боевых наградах отца и сына; как встречные аксакалы приветливо прикладывали к сердцу сухие жилистые руки, почтительно произнося «Салам»; как выступал Хасин перед старшеклассниками и призвыниками.

На этот раз Мусса Даутович сидел в президиуме почетным гостем, не выступал с воспоминаниями - как топал с боями от самой границы вглубь России, как шел обратной дорогой, - пешком да по-пластунски, - до последнего радостного привала в Берлине! Сегодня рассказывал его сын Хасин о вооруженной помощи нашему давнему южному соседу - Афганистану.

— Любый из нас не оставит в беде товарища. Каждый уверен в друге как в самом себе. Что для такой сплоченности надо? — Сам себе задал вопрос Хасин, и ответил, - надо быть человеком.

Поделится своей мечтой: после службы, не отрекаясь от музыки, стать военным юристом.

Хасин был взволнован этим разговором. У калитки сказал отцу:

— Не хочу спать. Пойду к Зеленчуку.

Вот оно, излюбленное место для купания, прозванное Глубокой. Сейчас по-над берегом тонкий лед, лишь посередине да на перекатах звонко всплескивают прозрачные струи. Сколько на этом берегу было игр в «войну», сколько тайных местечек в густой непролазной дерезе, где устраивали засады и заслоны... «Пусть «воюют», - говорили домашние, - лишь бы не озорничали». А теперь вот на взраправдавшей воеет войне.

И забыл бы о ней, но рана нет-нет да напомнит.

Он торопил время. На службе по команде «Подъем!» схватывался быстрее всех, во время перекрау ребята поглядывали на часы, знали своего замкомвзвода: сказал три минуты, — точка! Подымет в срок.

Вот и сегодня, теплым февральским днем с самого утра стал готовиться в дорогу.

— Завтра еду, мама.

— Выкроил бы еще денек-два? - Нет. Я должен прибыть в срок.

Двенадцатого февраля восемьдесят второго года выехал в Мин-Воды, оттуда - почастливыми — глубокой полночью вылетел в Ташкент.

На ранней зорьке, когда голова склонялась на грудь в сладком полусне, послышался голос стюардессы: «Присегните ремни». Самолет сделал круг и пошел на посадку.

Хасин вышел на бетонку аэродрома. Кругом только-только начинали румяниться макушки гор. Отсюда «за речку» - рукой подать.

Родная часть! Родные лица! Первыми, как сговорились, подбежали к выпрыгнувшему из машины Хасину Данил Яровец, Иван Матушкин, Зунель Хашукаев. От этого отбоя не было: «Как там Жако?!... А мои - отец и мать - ждуть?»...

В свою очередь, Зунель сообщил, что во втором батальоне служит (на днях прибыл) Ауес Мазукабзов. Хасин знал его. «Как-нибудь увидимся. Ведь это же здорово: трое из одного аула!».

Чуть поодаль стояли молоденькие, в новой форме, десантники. Хасин догадался, - пополнение. Только что из «учебки». Это же, по существу, новобранцы, не то что он, Мешезов, или Матушкин... Двадцатилетние «стартики».

И пошла служба своим чередом, будто не было ранения, госпиталя, поездки домой. А ровно через месяц...

Снова в подразделение доставлен пакет с грифом «Секретно», а в нем: душманы ночью ворвались в кишлак, расположенный в глубине ущелья. Предписывалось — выбить! На рассвете рота была поднята по тревоге. Бронетранспортер, в котором находился замкомвзвода Мешезов, вел рядовой Вязовцев, - рывжыватый паренек в надвинутом на глаза танкистском шлеме. Задачу знали все: приблизиться к кишлаку, остановить БТРы и с боем войти в кишлак.

Дорога, белая от пыли, усыпанная камнями, повторяла изгибы мчащегося навстречу горного потока. Справа над нею нависали голые обрывистые скалы. Промелькнули два поворота, уходящие в отроги ущелья.

— Не заблудись, - сказал Хасин, глядясь в смотровую щель.

— Я здесь, как дома под Кушевкой. Знаешь такую станцию около Ростова?

— Гляди на дорогу.

Вязовцев косил глаза на Мешезова:

— Да что вы, товарищ старший сержант, - перешел на официальный тон.

— Сказал - не собьешься с дороги. А, гляди - не гляди... мин не увидишь. «Духи» за эти годы так насобачились их ставить, что позавидуешь.

Хасин повернулся к Яровцу:

— Чего притих?

— Да так, нашло что-то.

На родине Яровца, под Изюмом, среди сосен есть на песчаной пологости небольшое село Капустяновка. Самое любимое для Данычо село: белохатое, в окружении вишенника. Там и сейчас его родители - знатные лесоводы, и сестра Оксана, учительница младших классов... Не проходило дня, чтобы она не присылала братику «листа» - письмо, значит. «Як случится тебе, братик риднесенький?»...

Земляк и друг Мешезов Хасин, Хышкыбий Зунель, Афганец Ауес сын

Хасин не раз говорил в шутку: «Видно делать с малышами нечего, вот и загружает военную почту». Данычо не оставался в долгу: «Так я ей описал, что у мене друг Хасин, джигит кавказский, вот вона и допытывается всякий раз — як вин там и приїде ли с тобою, братик, в нашу Капустяновку?». «Из-за одного названия не поеду!» - смеялся Хасин.

Хасин ошупал гранаты на поясе. Одну сунул в нарукважный карман десантного комбинезона. «Пусть будет под рукой».

Вблизи кишлака горы расступились, образовав широкую поляну по обе стороны бурливой реки. Один за другим выкатывались на равнинное место «бэтэеры» и рассредоточившись, остановились. Сбавил скорость и Вязовцев, готовясь выйти на прямую линию с другими, но не успел: под днищем грохнул фугас. Бронетранспортер на какой-то миг подбросило (мелькнула мысль - опрокинемся), но машина грузно ударилась всеми колесами о землю и заглохла. По сидевшим на броне ударил свинцовый шквал из-за высоких дувалов.

Хасин Мешезов окликнул Яровца и водителя (первый лежал на боку, второй — сидел, склонив голову на штурвал). Ему никто не ответил. По всему днищу зияли рваные пробоины. Он выбрался через верхний люк.

Огляделся: прямо на него от крайних дувалов шли душманы. Бросились в глаза их белые накрученные на головы тюрбаны. Хасин краем глаза видел, как десантники поднялись в рост и, стреляя на ходу, прорывались в обхват кишлака. Но эти - в тюрбанах - шли молча, быстро приближаясь. Их было четверо.

О чем подумал Хасин Мешезов в эти минуты? О том, что наступающие на флангах бойцы уже мысленно распрощались со всеми, кто был в подрававшихся «бэтэере»? А может привиделся ему в последний раз родной дом в далеком ауле Жако? Кто знает...

Он неторопливо вынул из нарукважного кармана гранату, вставил запал. Душманы уже в нескольких шагах. Хасин дернул кольцо «лимонки», встал во весь рост и резко взмахнул рукой: между ним и врагами грохнул взрыв.

Он не видел, как упали душманы, не видел, как через несколько минут зажатые с флангов бандиты бросились из кишлака вглубь ущелья. На окраине кишлака остались пулеметы, два миномета, подготовленные к действию (только стремительное вторжение десантников помешало пустить их в ход).

Бойцы подошли к взорванному бронетранспортеру и убитым. Сняли каски. Когда поднимали убитых в машины, появился белобородый старейшина кишлака и двое аксакалов. Следом за ним - молодые парни и девушки.

Старейшина, приложив к сердцу руку, сказал через переводчика, что все жители освобожденного кишлака испытывают чувство вины, потому что на издревле гостеприимной земле пролилась кровь от бан-

дитских пуль и мин хороших людей - шурави.

— Мы не виноваты, командир. Это - черные дела муджахидинов. Они не понимают делоброседства и ведут не «газават», а братоубийство, - закончил он на ломаном русском языке.

Крытая машина медленно тронулась в расположение полка... Зунель подошел к старшему лейтенанту Стругавцову, держа в руке листок.

— Читай.

— Хасин погиб. Привезет черный тюльпан. «Черным тюльпаном» здесь называют самолет, которым доставляют останки убитых. Стругавцов вздохнул:

— Я сам сообщу...

Через несколько дней к дому Мешезовых подошла машина. По тому, как вылез из кабины шофер и с ним однополчанин Хасина десантник Ауес Мазукабзов, - сутуло, тяжело переставляя ноги, и по тому, как неспешно, глядя в землю, направился к калитке - соседи поняли: стряслась беда. Вышедшему навстречу Муссе Даутовичу только и сказал Ауес:

«Привезли...».

Переминался в лице отец, но хватило силы подняться в кузов, стать на колени у гроба сына...

Сходились аульчане. Во дворе слышались глухие, сдержанные рыдания. Подъехала «Волга». Из машины вышла девушка, и аульчане расступились, давая ей дорогу. Хоронили на второй день.

Шли по узкой аульской улице к подножью горы, - там кладбище. На гроб осыпалась с цветущих вишен белые лепестки.

Медленно двигалась колонна провожающих. Вот и зазеленевшее под весенним солнцем взгорье. Отсюда хорошо виден родной дом Хасина...

Сейчас на могиле черный мрамор памятника. Четко врезаны в позолоте имя и портрет Хасина, тот самый, что мать настояла сделать.

Дома, в комнате Хасина, хранятся на атласной подушечке его комсомольский значок, боевые награды - медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. На лицевой стороне ордена мужественная фигура бойца в ореоле красного пятилучья. На тыльной стороне вырезан номер — «3759980».

Приходят к памятнику и боевые друзья Хасина - Зунель Хашукаев и Ауес Мазукабзов. Им есть, что вспомнить об ущельях в отрогах Гиндукуша. Выглядят ребята не по возрасту умудренными в жизни и ее передрягах. И не удивительно: мужали-то где? Там, где души обнажены, как пики афганских гор, где свинец сбивал с ног солдата, где по одному бою поймаешь - кто человек, а кто... видимость одна. Там, а не на «гражданке» изведаны ими труднодоступные вершины познания жизни. Дела таких людей - живых и мертвых - не умрут никогда, потому что принадлежат истории. А у истории память пожизненная!